

-

()

Традиционно при подготовке профессиональных кадров для органов внутренних дел Беларуси (равно как и для органов внутренних дел на всем пространстве бывшего СССР) в стенах профильных учебных заведений акцент делается на формировании профессионального правового сознания сотрудника органов внутренних дел. Формирование высокого уровня правового сознания профессионального типа считается ключевым фактором в подготовке наиболее желаемого образа сотрудника органов внутренних дел. Ведущим элементом в структуре профессионального правосознания считается правовая идеология, которая отвечает за оформление сознания в части уяснения сотрудником общих и специальных правовых знаний. В настоящей публикации мы постараемся показать, что парадигма [право]сознания, несмотря на ее классический статус в структуре юридического знания, в современных условиях нуждается в переосмыслении, поскольку сама конфигурация познавательной модели формирования желаемого образа через структурирование сознания является некоторым ограничением, задающим такую модальность человека, которая отождествляет человека с сознанием, понятным, однако, лишь в его рационалистическом аспекте.

Вторая половина XX в. вошла в историю гуманитаристики как эпоха постнеклассики, или постмодерна. Одним из ключевых событий этой эпохи стал кризис классической научной рациональности. Уже в начале столетия М. Хайдеггер («Бытие и время», 1924) показал, что многие традиционно устоявшиеся понятия и категории классической гуманитарной науки, которые считались само собой разумеющимися и не подвергались сомнению, не обладают признаками универсальности. В своем исследовании становления вопроса о бытии М. Хайдеггер приходит к выводу, что в самом начале пути, в самих исходных основаниях всякого знания и познания древние греки отклонились от подлинной стратегии познания, отождествив ее преимущественно с понятийно-категориальным схватыванием реальности. Исходные вопросы – вопросы о бытии, сущем, ничто и т. д. – были фундированы таким образом, что они повлекли за собой развитие европейской мысли именно в строго заданной модальности. В частности, М. Хайдеггер указывает на то, что античные классики отклонились от вопроса о бытии, подменив его вопросом о сущем (бытие они интерпретировали как наиболее

общее сущее [1, с. 2–4]). Это повлекло за собой установление базовых единиц познания, которые конфигурировали всю эпистему. Такими единицами стали концепты «сущность», «субстанция», «субъект».

Окончательно парадигма субъекта была оформлена в XVII в. Р. Декартом. Он в своем знаменитом «*cogito ergo sum*» (мыслю, следовательно существую) полностью отождествил человека с субъектным формированием, т. е. стал рассматривать человека как «мыслящую вещь». Сознание в его рационалистической модификации стало критерием человеческого существования, иными словами, человеческое существование было подменено рационалистической способностью сознания. Приблизительно в такой модификации человек вошел во все гуманитарные дискурсы (юридический, экономический, исторический, социологический, психологический) во время окончательного складывания классической эпистемы (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.).

Советская юридическая доктрина, даже с учетом своеобразной интерпретации марксистского учения, так или иначе, но также была основана на канонах классической рациональности, и в этом (эпистемологическом) отношении различие между западноевропейской и советской юриспруденцией следует признать несущественным. Базовые концепты (субъект, сущность права, правонарушение и т. д.) в обеих традициях понимались практически одинаково и вопросы о базовых основаниях не ставились.

В советской правовой доктрине, однако, объективно ставились и свои, специальные задачи. Провозглашение социалистического общества и права требовало формирования такого субъекта права, который бы глубоко воспринимал ценности социалистического правопорядка. В ситуации реального функционирования советской идеологеммы как метанарратива советского правопорядка удавалось поддерживать советскую субъектную модель в праве: эта модель основывалась именно на правосознании. Формирование социалистического правосознания стало для советской правовой системы залогом получения желаемого субъекта права. Подчеркнем: тождество правосознания и субъекта права обеспечивалось именно господством социалистической идеологеммы, которая пронизывала все сферы жизнедеятельности советского общества. Понимание правосознания как формы общественного сознания в советской правовой науке исходило из примата общественного над частным. «Индивидуальные суждения о нормальном и ненормальном поведении, – писал в 1947 г. советский теоретик права Н.Г. Александров, – сами по себе не могут стать социальными нормами. Для того, чтобы суждение о должном и допустимом поведении стало социальной нормой, оно должно выражать сознание и волю

того или иного общественного коллектива, способного так или иначе воздействовать на индивидов» [2, с. 5].

С изменением политико-правовой ситуации после распада социалистической системы изменились условия производства субъективности. В отсутствие прежней идеологемы и в условиях мировоззренческого плюрализма возникли проблемы с формированием профессионального правосознания (субъекта права), прежде всего, профессионального правосознания правоприменителя. Это коснулось практически всех государственных органов, а в особенности тех, назначение которых связано с выполнением наиболее значимых функций государства. К таким органам относилась и милиция. Формирование компетентного сотрудника милиции, воспитание его в духе преданности государству в резко изменившихся условиях, но, однако, при старой методологической установке, лежащей в основе образовательных программ подготовки сотрудников в учебных заведениях (от учебных заведений первоначальной подготовки до высших учебных заведений), стало проблематичным. Ориентация на прежнюю критериологию в формировании сотрудника, которая достижение высокого уровня профессионального правосознания связывала с окончательной задачей получения желаемого образа субъекта правоохранительной деятельности, оказалась малоэффективной. И в 90-х гг. XX в., и сегодня в юридическом образовании профильного типа присутствует установка именно на формирование правосознания.

В западноевропейской мысли классическая эпистемология, в том числе классический антропологический дискурс, была подвергнута критике еще в 50–60-х гг. XX в. Основанием критики была не только теоретическая рефлексия, но и фактическое положение дел на Западе, реальная социальная практика. Регулировать поведение людей, представляя их лишь в качестве субъектов, фундированных рационалистическим сознанием, стало проблематичным. Сами представления о том, что в гуманитарной науке человек должен быть представлен как субъект, стали подвергаться переосмыслению. К. Леви-Стросс, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Р. Барт и другие философы все чаще говорили о том, что модель субъекта неадекватна в описании реального современного человека («смерть автора», «смерть субъекта»). Используя критику классических представлений о человеке М. Хайдеггера, западноевропейские авторы искали новые формы интеллектуальной фиксации человека в социальном пространстве. В результате этой работы был обоснован ряд постклассических концептов, которые уже по-иному, нежели концепция субъекта, фиксировали человека: это концепты «субъективация», «практики себя», «со-бытие» и т. д.

Основная претензия, которая сегодня может быть предъявлена к концепции правосознания в целом и профессионального правосознания в частности, заключается в том, что с помощью этой познавательной конструкции весьма сложно выявить как подлинные интенции кандидата поступления на службу, так и сформировать должный образ сотрудника. Знаниевая парадигма не удовлетворяет требованиям подбора кадров, поскольку, во-первых, само общество стало информационно нагруженным и с самого начала личностного становления человек вынужден осваивать информационные среды. В результате этого фактически каждый кандидат на службу потенциально является своего рода знающим субъектом (как правило, каждый абитуриент Академии имеет портативный компьютер). Во-вторых, господствующая сегодня модель общества потребления уже не располагает потенциального кандидата к рассмотрению службы в органах внутренних дел в качестве некоего патриотического, символического служения, каковое имело место в эпоху господства советского метанарратива. Современный отечественный философ М.А. Можейко в связи с этим отмечает, что в эпоху крушения метанарративов «речь может идти о своего рода переходе от этики кодекса, предполагающей подведение частного случая в его уникальной неповторимости под общее и потому не соответствующее ему правило, к этике творчества, ориентированной на выработку в каждом конкретном случае особого сценария морального поведения. Это предполагает новое понимание нравственного сознания и морального действия, трактуемого как результат имманентного творческого усилия человеческого сознания» [3, с. 257].

Основным познавательным концептом, который может хотя бы отчасти преодолеть знаниевую установку при оценке субъекта права, может выступить концепт *практик правовой субъективации*. Сразу скажем, что общее значение введения этого нового концепта, который призван сыграть критериологическую роль в работе с субъектом права (при подборе кандидата на службу, профессиональной работе с ним во время прохождения службы и т. д.), заключается в следующем: *практики правовой субъективации ориентируют не столько на наблюдение за уровнем профессионального знания и формированием опыта правоприменителя, сотрудника органов внутренних дел, сколько на то, как личностные конститутивные структуры сотрудника относятся к этому знанию и опыту и какие юридически значимые акты это порождает*. Для пояснения данного положения кратко остановимся на теоретико-правовой характеристике практик правовой субъективации.

Под *практиками правовой субъективации* мы понимаем *определенные правоповеденческие паттерны самообращения, в которых и через*

которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается. Базируясь на практиках правосубъективации, человек «размещается» в нормативном пространстве. По сути, это и есть реальный субъект права. Сразу следует сказать, однако, что практики правосубъективации недопустимо отождествлять с правовым поведением в его традиционном понимании, которое в данном случае лишь производится из них. Практики правосубъективации – это отношения человека (субъекта права) с самим «собой юридическим», или, что то же самое, по поводу юридического. Это специфический тип отношения к себе, в котором человеком самому себе высказывается внутренняя позиция по поводу конкретной юридически значимой ситуации, в которой он оказался. Это высказывание не является, однако, одним лишь интеллектуальным, или, скажем по-другому, психологическим определением правовой позиции, – оно определяется конститутивно, т. е. личностной конституцией человека и в то же время тем самым воздействует на нее. Самообращение в практиках правовой субъективации осуществляется через поведение (понятое уже не в традиционном смысле) как опыт, ведомый сознанием-конституированием (постоянно указывающим человеку на свою подлинность), а не рассудочным взвешиванием юридической ситуации, по поводу которой происходит самообращение. Или, по-другому, в таком правовом самообращении субъект понимает, воспринимает юридически значимую ситуацию, ее смысл на основе индивидуального опыта – личностного конституирования, предваряющего интеллектуальную интерпретацию юридического явления и обуславливающего ее. Этот специфический индивидуальный опыт обосновывает смысл юридически значимой ситуации. Именно поэтому правоповеденческие паттерны самообращения недопустимо отождествлять с психологическим актом, реакцией, как бы сказал Л.И. Петражицкий, – правовой эмоциональностью, хотя, разумеется, это тесно взаимосвязанные области (и то, и другое локализуется в области сознания). В практиках правовой субъективации происходит конститутивное высказывание самому себе своей правовой [по]ставленности к актуальному фрагменту правовой реальности, причем это высказывание, как мы уже сказали, обнаруживается через техники. Такое самосоотнесение в некотором смысле не зависит от интеллектуального, рассудочно-позиционирования субъекта (что, однако, отметим еще раз, не значит «вне сознания»), а напрямую, конститутивно «прорывается» к самому субъекту, говорит ему о себе. Но не только себе, но и другим, что и дает возможность для фиксации практик правовой субъективации.

Правовая субъективация как поле специально юридических антропологических практик разворачивается в социально значимом поле определенного эпистемического образования, которым выступает определенный набор господствующих в тот или иной период дискурсивных юридических практик. Именно ввиду наличия связи «дискурсивные юридические практики – правовая субъективация – субъект права», введение концепта практик правовой субъективации имеет не только философско-правовое и теоретическое, но и практическое юридическое значение. Практики правовой субъективации, с одной стороны, позволяют наблюдать за формированием человека в праве относительно господствующих дискурсивных юридических практик того или иного периода времени, с другой – позволяют раздвигать правосознание и заглядывать внутрь субъекта.

На основании вышесказанного применительно к вопросу о подготовке кадров для органов внутренних дел, формировании наиболее приемлемого для правопорядка образа сотрудника следует сделать несколько подытоживающих выводов относительно значения введения концепта практик правовой субъективации:

1. Правовая идеология как структурный элемент правосознания не должна сегодня выдвигаться в качестве главного критерия, отвечающего за формирование сотрудника ОВД. Знаниевая парадигма, предполагающая усвоение определенного набора правовых знаний достаточным условием формирования личностных качеств сотрудника, не учитывает как контекст господствующего поля дискурсивных юридических практик, так и специфику личностного конституирования, которое отнюдь не ограничивается формированием только *socios*-сознания. Реальный субъект права, правоприменитель, практик всегда формируется в сложном процессе становления своей субъективности, в котором правовое сознание (фактически – правовое знание) сталкивается с более глубинным по своей природе антропологическим явлением личностного конституирования – практиками субъективации (практиками себя, техниками себя), которые распространяют свое действие в том числе и на юридически значимые явления. Субъективация, своего рода личностный жизненный проект как некая модель складывания, возделывания себя, несмотря на степень ее артикуляции самим субъектом, осуществляет фильтрацию и сегментацию полученных правовых знаний в соответствии со своей направленностью. Именно поэтому, на наш взгляд, получаемые правовые знания своего рода упаковываются по кальке личностного проекта. Вопрос о возможности реального влияния правовых знаний на личностный проект требует своего дополнительного осмысления, однако сразу можно отметить следующее:

субъективация по своей природе всегда конститутивна, так как затрагивает личностные структуры конституции и идентичности человека, в то время как правовое обучение, воспитание, формирующее правосознание, не обладает свойствами конститутивности. Это знание устанавливается, так сказать, поверх личностного опыта, и, что главное, выступает в роли своего рода внешнего авторитета для субъекта.

2. Процесс профессионального обучения поэтому, на наш взгляд, сам по себе не может рассматриваться в качестве гаранта формирования желаемого образа сотрудника. Практики правовой субъективации призваны вывести к наличию то, что находится за фасадом правового сознания, а более конкретно – за фасадом юридического знания, приобретенного субъектом в процессе обучения. Если говорить просто, то за фасадом юридического знания, представленного в правовом сознании идеологическим элементом, находится сама правовая фактичность, правовая жизнь. Нередко бывает так: знание становится напротив самой жизни. И здесь дело не в том, что жизнь не соответствует знанию либо, напротив, знание не поспевает за жизнью. Но дело в том, на что опирается субъект в жизни. Заботясь в процессе обучения о формировании профессионального правосознания, нередко упускают из вида более общие, можно сказать – экзистенциальные параметры складывания сотрудника. И хотя бремя их формирования перекладывается на воспитательный и идеологический процесс, тем не менее осмелимся предположить: последний нельзя признать надлежащим средством формирования сотрудника. Относительно идеологеммы мы уже говорили выше. Что же касается воспитания, то оно если и может использоваться, то прежде всего должно иметь личностно-ситуативный характер, а не быть социально-нормативным, поскольку практики правовой субъективации сугубо личностны, хотя и формируются на фоне господствующих дискурсивных практик. Современное молодое поколение (рожденные в 90-х гг.) принципиально отличается даже от поколения конца 80-х гг. XX в., поскольку оно фактически появилось в условиях плюральной культуры, существования разнообразных личностных матриц, не говоря уже о самом по себе влиянии феномена 90-х гг. Поэтому возможность создания сегодня модели личностно-ситуативного воспитания требует передачи опыта особым способом, но таковой пока еще институционально не оформлен.

3. Отвечая на вопрос: а каким тогда образом воспитывать кадры, можно ли вообще в целом сегодня говорить о некоем цельном процессе формирования желаемого образа сотрудника органов внутренних дел? Уже сегодня можно сказать, что будущий процесс подготовки сотрудников связан с отказом от проектов кадровой работы, основан-

ных на метанаррациях, шаблонно-нормативных матрицах, вневтореческих моделях подготовки, знаниевой модели профессионального правосознания. В качестве перспективных проектов кадровой работы следует указать на те, которые будут основываться на анализе практик правовой субъективации, личностно-ситуативных моделях формирования сотрудника, учете конститутивных характеристик личности.

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. 2-е изд., испр. СПб. : Наука, 2002.

2. Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение / под ред. И.Т. Голякова. М. : Моск. юрид. ин-т, 1947.

3. Можейко М.А. Светское образование и проблема духовности в современной культуре: ренессанс традиционных ценностей // XVI Международные Кирилло-Мефодиевские чтения (Минск, 26–28 мая 2011 г.) : материалы чтений «Религиозная культура в контексте светского образования». Ч. 2 / Ин-т теологии им. св. Мефодия и Кирилла, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; отв. ред. и сост. Г.Н. Петровский. Минск : Зорны Верасок, 2011. С. 249–261.

УДК 340.13

Д.А. Колбасин

В связи с переходом страны на рыночные отношения естественно изменились и ее задачи. Главные из них определены в Конституции Республики Беларусь: создание высокой наукоемкой материально-технической базы, повышение материального и культурного уровня жизни народа, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и международного сотрудничества. Успешное решение этих задач связано с постоянным совершенствованием всей общественно-политической системы государства, укреплением и развитием всех его звеньев, в том числе и органов внутренних дел.

Решая задачи улучшения деятельности органов внутренних дел на новом этапе развития общества, руководство страны особое внимание уделяет не только их высокой профессиональной подготовке, но и усилению идейно-воспитательной работы среди их сотрудников. Об этом свидетельствует расширение и совершенствование нормативной базы в этом направлении. Приняты указ Президента Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 254 «О деятельности информационно-пропагандистских групп и об участии руководителей республиканских и местных государственных органов и иных государственных организаций в идеологической работе», а также приказы Министерства внутренних